

ЧЕЛОВЕК ПРАВОСПОСОБНЫЙ. КОНЦЕПЦИЯ «ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА» И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД*

В.С. КРЖЕВОВ

В материалистической философии общая картина мира строится на основе допущения, согласно которому все сущее являет собой континуум вещественно-энергетических взаимодействий; их исходы имеют законосообразный характер. По мере эволюции наблюдаемой Вселенной некоторые структурные образования материального мира приобретают способность самоподдержания, а их поведение — информационную направленность. Сюда относятся все известные нам процессы органической жизни, а также деятельность *Homo sapiens*.

Человек, подобно всем другим живым организмам, включен в локусы материальных взаимодействий и подчинен их законам. Важнейшим условием поддержания и органической жизни, и деятельности человека является адаптация к условиям среды обитания — устойчиво воспроизводятся во времени только те формы жизни и социума, которые отвечают этому требованию. Ставший человек меняет способ существования — его деятельность — орудийная, разумно направленная и общественно организованная — приобретает адаптивно-адаптирующий характер, но это не отменяет необходимого общего требования — поведение *Homo sapiens* должно соответствовать объективно-данным условиям среды.

Отсюда следует, что расхожее утверждение о мире человека — «мире культуры» — как о совершенно особом и принципиально отличном от мира природы в плане подчиненности ее универсальным законам — поверхностно и некорректно. Никакие имеющиеся у нас знания не вынуждают принимать такое допущение. Речь может идти лишь об особой разновидности процессов самоподдержания социокультурного мира — мира «человека общественного» — в его взаимодействии с динамичной средой обитания. Тем самым объяснение возникновения и трансформации наблюдаемых в истории культурных форм в последнем счете основывается на знании общих закономерностей движения систем, способных к информационно-направленной самоорганизации.

Соответственно, культура понимается как совокупность особого рода информационных программ, в конечном итоге обеспечивающих адаптивное поведение (деятельность) человека; среди этих программ выделяется особый подкласс — ценностно-нормативные конвенции, необходимые для обеспечения упорядоченного взаимодействия индивидов в

*Статья подготовлена в рамках проектов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): «Концептуализации общества в современном социально-гуманитарном и культурно-историческом знании», грант № 12-03-00514, и «Междисциплинарные основания социальной теории: информационные, системно-теоретические и этно-антропологические подходы к изучению общества», грант № 14-03-00796.

обществе. При определенных условиях — достаточно высоком уровне специализации и разделения труда и обусловленной этим стратификации — в обществе формируются группы с разнонаправленными, и порой очень далеко расходящимися частными интересами. В этом случае в целях предотвращения развития конфликтов, способных разрушить общество, часть норм, регламентирующих социальное поведение, трансформируется в нормы права. Их родовым отличительным признаком является наличие специализированного института социального управления — государства, обретающего монополию как на законотворчество, так и на применение принуждения к соблюдению введенных им правовых установлений.

Широко принятая в XVII в. формула «естественное право» была призвана атрибутировать собрание таких нормативных установлений, которые в идеале должны были соответствовать «природе человека» и тем самым противостояли бы праву «искусственному», или субъективно-волевому, принятому по произвольному усмотрению обладающего полномочиями законодателя. В связи с этим «естественное право» нередко интерпретировалось как «право вообще» — тем самым это словосочетание претендовало на выражение надысторической природы права, представляющего обладающей самостоятельным бытием и универсальной сущностью. В этой формуле, в частности, находила отражение претензия философского разума Нового времени на свободное от богословской догматики рациональное постижение мира. В этом плане концепт «Естественного права» отсылал к велению Природы — заменяя собой идею схоластов об исходящем от Бога Высшем законе, управляющем движением мироздания. Вместе с тем важно, что обе эти концепции равно служили для разрешения одной и той же задачи — обоснования установлений наличного «человеческого», «позитивного» права посредством соотнесения с умозрительно представимым эталонным «высшим законом». Считалось, что такое соотнесение позволяет установить, в какой мере законы, разработанные человеком, отвечают своему действительному предназначению, открываемому постигающим Природу Разумом.

Однако удовлетворительно сформулировать содержательные характеристики этого высшего универсального и независимого от человеческого произвола права никому так и не удалось — разброс подходов и определений свидетельствовал о непреодолимой субъективной предвзятости, выражающей априорные ценностные установки участников дискуссии, весьма различным образом трактовавших требования «всеобщего долга» (или «всеобщей воли»). Отсюда же произрастала долгая и чрезвычайно многословная полемика по псевдопроблеме «соотношения права и закона», якобы образующей предмет философии права. В этой связи нельзя не отметить, что сторонники такой трактовки задач философии права не в состоянии ответить на неизбежный вопрос — что такое право, когда и если оно не имеет формы закона? И обратно — какой смысл имеет понятие «неправовой закон», с каким именно универсальным эталоном права мы должны сравнить те или

иные конкретные законоположения, чтобы быть в состоянии вынести вердикт об их правовом, или, напротив, неправовом характере? Понятно, что до тех пор, пока такой универсальный эталон не выработан и не стал общезначимым и общепризнанным, подобного рода приговоры лишены достаточного основания.

Наряду с этим нельзя не вспомнить то значение, которым наделял понятие «естественного права» Т. Гоббс. Для него было несомненным, что такое право принадлежит всякому человеческому существу, но только до тех пор, пока люди пребывают в так называемом «до-общественном состоянии». Только в таком состоянии человек не только может, но и обязан делать все необходимое для поддержания своей жизни — и в этом своем праве ни один индивид не ограничен ничем, кроме собственных сил и способностей. Именно отсюда английский философ выводил свое знаменитое заключение, согласно которому до-общественное состояние — это неизбежное состояние «войны всех против всех». Однако согласно этой же логике, с переходом людей к упорядоченным благодаря «общественному договору» отношениям, картина резко меняется. Теперь каждый человек обязан ограничить свои притязания, подчиняясь воле властителя-суверена, облеченной в форму закона. Отсюда со всей очевидностью следует, что в такой трактовке «естественное право» никак не может служить для оценки законов, установленных государством — то и другое оказывается разделено непреодолимым барьером «общественного договора». Проблема заключалась еще и в том, что если в предполагаемом «до-общественном состоянии» речь шла о довольно очевидных вещах, а именно — об обеспечении жизни и имущества изолированных индивидов, то с переходом к обеспечиваемому государством порядку целью становилось «всеобщее благо», представления о котором у различных мыслителей эпохи Просвещения были тогда не более вразумительны, чем о «естественном праве».

Еще менее пригодным для решения этой задачи оказался «абсолютный моральный закон», идея которого была предложена в концепции И. Канта. Дело в том, что, согласно Канту, этот закон действителен лишь в *ноуменальном мире* — мире «вещей в себе», тогда как любые правовые установления государства являют собой всего лишь «условные императивы», требования которых обращены к человеку как *феноменальному существу*, всецело принадлежащему «царству необходимости». Поскольку эти два мира — ноуменальный и феноменальный — абсолютно разделены и принципиально отличны друг от друга, совершенно невозможно представить себе, как законы одного могут служить для оценки законов другого.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что концепция «естественного права», в XVII — XIX вв. успешно послужившая делу преодоления всевластия церкви и установлению принципов светского государства, ныне представляет собой не более чем реликтовое наследие прежних эпох, не выдерживая ни логического

анализа, ни проверки на соответствие многим и многим твердо установленным и не раз проверенным историческим фактам.

Более приемлемой в наши дни представляется философско-правовая концепция, в своих основных определениях очень близко примыкающая к марксистской трактовке сущности права, но в главном пункте существенно ее корректирующая. В свете такого подхода право действительно являет собой совокупность особого рода вводимых государством нормативных установлений, в своих основных содержаниях обусловленных типической формой социальной организации. В основании этой последней, в свою очередь, находится форма собственности как на средства производства, так и на потребительные ценности; в своем конкретно-историческом облике эта форма обуславливается достигнутым уровнем технико-технологического развития общества и отвечающей ему структурой разделения общественного труда. Поскольку при достаточно высоком уровне специализации труда обмен его результатами неизбежно становится постоянно возобновляемым и принимает очень интенсивный характер, постольку общество с необходимостью устанавливает нормативные регламенты, задающие границы распорядительных полномочий субъектов в отношении производимых и/или располагаемых ценностей (право собственности). Тем самым обеспечивается решение еще одной важной задачи — ориентации людей в системе операций обмена. При этом, в отличие от классической марксистской трактовки, право мыслится не как репрессивно направленная «воля господствующего класса, выраженная в форме закона», а как система нормативных установлений, имеющих своей основной задачей обеспечение поддержания целостности общества в условиях высокого уровня стратификации и обусловленной этим вероятности перехода конфликта групповых (классовых) и индивидуальных интересов в фазу открытого насилия. Главной целью государства и создаваемых им правовых установлений является в этом случае не «подавление сопротивления трудящихся масс», но напротив, обеспечение возможности согласования разнонаправленных интересов во имя достижения согласия и стабильного развития в интересах всех членов общества. Те же принципы — и сегодня это особенно существенно — должны быть положены в основание системы международного права.

Не лишне подчеркнуть, что такая трактовка не может расцениваться как всего лишь очередная благопожелательная утопия — напротив, в ее основе лежит трезвое понимание того неоспоримого обстоятельства, что компромисс во имя поддержания целостности сообщества (в том числе и международного) отражает общий интерес всех входящих в него индивидов, поскольку стабильный социальный порядок есть неперемненное условие их жизнедеятельности. Это понимание является как нельзя более актуальным в наше время, когда человечеством наработаны такие вооружения, применение которых может уничтожить не только разумную, но и вообще всякую жизнь на нашей планете.